

лений», заканчивается приток населения в Западное и Центральное Поморье, а «естественно удобные для земледелия земли в этих районах почти полностью втянуты в хозяйственный оборот»⁸¹. Эти изменения в длительной хронологической перспективе проследил П.А. Колесников и пришёл к выводу, что «процесс уменьшения числа жилых деревень и увеличения пустошей, начавшийся с середины XVI в., продолжался до XIX в.»⁸².

Проведённое исследование показало, что ряд наблюдений, устоявшихся в историографии, можно конкретизировать на основании совокупности введённых в научный оборот писцовых материалов 1540-х гг. Понятие «монастырская колонизация» по-прежнему актуально. Под ним подразумевается не только монастырское строительство в различных регионах Московской Руси, но и участие церковных властей в процессе освоения земель, вошедших в состав их вотчин. Заселению владений духовных вотчинников способствовали различные имущественные привилегии обитателей и льготы, предоставляемые монастырской администрацией крестьянам.

Появление новых населённых пунктов в 1530–1540-х гг. обусловлено относительным политическим, военным и экономическим благополучием в Московской Руси и на Русском Севере. Развитие сети сельских поселений пошло по пути увеличения их количества, однако природно-климатические особенности региона (суровая зима, весенние заморозки, ранний снег, преобладание подзолистых и дерново-подзолистых почв, высокий процент заболоченности и избыточная влажность) в совокупности с общероссийскими кризисами 1570–1580-х гг., первых десятилетий XVII в. и владельческой политикой вотчинников привели к запустению значительной части селений и укрупнению других. В XVII в. крестьяне в Вологодском уезде жили в разрастающихся деревнях и сёлах и не селились на пустошах, земли которых только частично возвращались в хозяйственный оборот.

---

⁸¹ Васильев Ю.С. Аграрные отношения... С. 36.

⁸² Колесников П.А. Северная деревня... С. 93.

Городской голова Н.А. Алексеев и Московская дума в 1885–1893 гг.

Константин Полещук

Mayor N.A. Alexeev and the Moscow City Duma, 1885–1893
Konstantin Poleschuk (Museum of Moscow, Russia)

Конец XIX в. вошёл в историю Москвы как время активного созидания. Город становился благоустроенным европейским мегаполисом: сооружались новые торговые ряды на Красной площади, здание городской думы, больницы, школы, совершенствовалась транспортная система, были построены новые скотобойни, реконструирован водопровод, начались работы по созданию системы канализации. Жители Первопрестольной связывали благотворные

перемены с деятельностью московского городского головы Николая Александровича Алексеева (1852–1893), которого называли «самым выдающимся, самым ярким городским головой в Москве»¹. Представитель известной купеческой фамилии золотоканительных фабрикантов, он энергично работал на благо древней столицы, с 1885 г. возглавляя думу и управу. Впрочем, у современников были основания как для его апологетики, так и для критики: одни называли это время «золотым веком московского самоуправления»², другие – «алексеевским режимом»³, третьи – «бесшабашной и самодурной алексеевщиной»⁴.

9 ноября 1885 г. 33-летний Алексеев был избран на пост московского городского головы (28 ноября высочайше утверждён в должности)⁵, став самым молодым бургомистром за всю историю пореформенного самоуправления Первопрестольной. Однако бóльшая часть думцев рассматривала такую метаморфозу как естественный апофеоз его стремительной карьеры: «Та репутация, которая его сопровождала с детства, репутация восходившего светила, давала себя знать и в думе, и гласные шёпотом передавали друг другу, что вот растёт, крепнет, развивается будущий голова»⁶. Современники ощутили мощный потенциал общественного деятеля ещё на первых порах его думской карьеры. С.М. Третьяков, занимавший пост городского головы в 1877–1881 гг. и состоявший с Николаем Александровичем в родстве, видел в нём своего возможного преемника: «Вот будет вам голова – Алексеев! – голова, какого не бывало! Не нам чета. Дайте только ему войти в лета и в дело»⁷. Председатель Московского биржевого комитета, влиятельный гласный Московской думы Н.А. Найдёнов в письме к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву в октябре 1882 г. назвал Алексеева «претендующим на будущее время быть градским головой»⁸. Б.Н. Чичерин, занимавший должность московского городского головы в 1882–1883 гг., также вспоминал, что ему в преемники прочили Николая Александровича⁹.

В соответствии с законодательством о городском общественном управлении городской голова наделялся обширными полномочиями: председательствовал на заседаниях думы (законодательный орган) и руководил деятельностью её правительства – управы (исполнительный орган). Дума и управа избирались на четыре года¹⁰.

В 1885–1888 гг. в думе, состоявшей из 180 гласных, 87 человек являлись представителями крупной московской буржуазии и были избраны 1-й и 2-й имущественными куриями. Среди них выделялись лидеры старого купечест-

---

¹ *Богословский М.М.* Москва в 1870–1890-х годах // *Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия.* М., 1989. С. 418.

² *Амфитеатов А.В.* Московский городской голова Алексеев // *Недавние люди.* М., 1901. С. 276.

³ *Джаншиев Г.А.* Эпоха великих реформ. М., 1907. С. 555.

⁴ *Никифоров Д.И.* Из прошлого Москвы. Записки старожилы. М., 1901. С. 66.

⁵ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы), ф. 179, оп. 1, д. 66, л. 8 об., 9 об.

⁶ *Голицын В.М.* Москва в семидесятых годах. Воспоминания // *Голос минувшего.* 1919. № 5–12. С. 154.

⁷ *Амфитеатов А.В.* Указ. соч. С. 244.

⁸ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. В 2 т. Т. 1. М.; Пг., 1923. Полтом 1. С. 295.

⁹ *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Земство и Московская дума. М., 1934. С. 182.

¹⁰ ПСЗ-II. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. № 48498.

ва – Н.А. Найдёнов, В.Д. Аксёнов, И.К. Бакланов, братья А.А., В.А. и П.А. Бахрушины, А.В. Ганешин, И.Е. Гучков, С.Д. Ширяев и крупного – П.П. Боткин, С.И. Мамонтов, П.А. Овчинников, К.В. Рукавишников, П.П. Сорокоумовский и В.И. Якунчиков.

Небольшая группа (36 депутатов, избранники преимущественно тех же курий) представляла дворянство, чиновничество и интеллигенцию. Самыми активными из них были аристократы П.И. Коновницын, М.С. Ланской, П.Н. Туркестанов, М.В. Шаховской-Глебов-Стрешнев; юристы Г.В. Грудев (старейший гласный Московской думы), И.Н. Мамонтов, Д.С. Охлябинин, В.М. Пржевальский; врачи Г.И. Браун, Н.Ф. Гагман, А.Н. Маклаков и М.П. Черинов; историк В.И. Герье, журналист Н.П. Гиляров-Платонов и архитектор В.О. Шервуд.

Значительной являлась группа мещан, ремесленников и крестьян (57 гласных во главе с Д.В. Жадаевым, И.И. Шестёркиным, М.Г. Серебряковым и И.А. Киселёвым), избиравшаяся преимущественно 3-й курией. Эти небогатые собственники и предприниматели¹¹, отличавшиеся сплочённостью и дисциплиной, активно участвовали в обсуждении хозяйственных вопросов и нередко ожесточённо критиковали предложения городского головы, за что думские интеллигенты именовали их «текинцами»¹².

Таким образом, во второй половине 1880-х гг. наибольший вес в Московской думе – по своему составу преимущественно купеческой – был на стороне крупной буржуазии. Огромным влиянием пользовались семейства Бахрушиных, Третьяковых, Рукавишниковых и Гучковых, постоянно имевших нескольких представителей в думе – многие из них являлись известными благотворителями. Слабее оказалась немногочисленная группа интеллигенции¹³, однако гласные, представлявшие собой экспертов-профессионалов (медики, инженеры, юристы и т.д.), имели в думе вес в дискуссиях по общим и специальным вопросам.

В московской управе была сосредоточена вся организационная деятельность городского общественного управления. Её присутствие составляли городской голова и товарищ городского головы, под руководством которых члены управы осуществляли решения думы, готовили сметы доходов и расходов, отчитывались перед гласными о работе всех отраслей городского хозяйства. В управе работали 8–11 человек, избиравшиеся на четыре года, но многие продолжали трудиться в ней десятилетиями. Каждые два года состав управы обновлялся наполовину, что позволяло сохранять работоспособность этой важной для жизни города структуры. Здесь преобладали потомственные и личные дворяне, получившие высшее или среднее образование¹⁴. Управа «алексеевского» периода состояла из десяти человек: сам Алексеев, товарищ городского головы М.Ф. Ушаков; члены управы А.Д. Колосовский, И.А. Лебедев (училищное отделение), Н.М. Нагорнов, А.С. Потёмкин, П.В. Трунин (водопроводное, канализационное), М.С. Созонович (строительное), А.С. Холмский (хозяйственное, врачебное отделения) и Н.Л. Юнг. До 1893 г. состав исполнительного органа думы практически не менялся, лишь в 1889 г. Созоновича сменил Д.Д. Дува-

¹¹ Адрес-календарь г. Москвы на 1889 г. М., 1889. С. 130–137.

¹² Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 184, 249. Текинцы (теке) – воинственное туркменское племя, населявшее Ахалтекинский оазис в Средней Азии; промышленный разбой и постоянно тревожили набегами соседние области Персии; в 1879–1883 гг. покорены русскими войсками.

¹³ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 172–173.

¹⁴ Там же. С. 247.

кин. Половина членов управы (Дувакин, Колосовский, Лебедев, Созонович, Трунин, Холмский) имели высшее образование¹⁵. В своём роде уникальной являлась фигура Трунина – это был профессиональный инженер, «отличный человек... знающий своё дело», который сочинял стихи и даже перевёл на русский язык «Фауста» И.В. Гёте¹⁶.

Заняв пост городского головы, Алексеев «с первых же шагов воцарился в думе»¹⁷. Городские гласные и москвичи, посещавшие её заседания, единодушно отмечали импозантную внешность молодого «лорд-мэра»¹⁸: могучая фигура, красивая и выразительная наружность¹⁹; человек «высокого, плечистого, могучего сложения»²⁰; «немного выше среднего роста, приятной наружности, со скользящей походкой и ласкающим баритоном»²¹; рослый дородный мужчина «с авторитетными и властными манерами»²². Наряду с внушительным обликом Алексеев запомнился многим как «очень умный, необыкновенно живой, даровитый, энергический, неумолимый в работе, с большим практическим смыслом, обладающий даром слова, он как будто создан был для того, чтобы командовать и распоряжаться. Всякому делу, за которое он принимался, он отдавался весь; оно у него кипело, и он упорно и настойчиво доводил его до конца»²³. У Алексеева был «звучный баритон»²⁴, «необычайно громкий, звонкий голос, изобиловавший бодрими, мажорными нотами»²⁵.

Николай Александрович вёл заседания думы «с необыкновенной энергией и быстротой», садился при этом во главе длинного стола, за которым в несколько рядов сидели гласные, «являлся на заседание во фраке и белом галстуке, гласные приходили в разных костюмах до поддёвы и высоких сапогов бураками включительно. Голова возлагал на себя серебряную цепь, и это служило сигналом к открытию заседания. Заседания думы по вторникам, начинавшиеся в седьмом часу, до Алексеева благодаря неумелому и вялому руководству затягивались иногда до глубокой ночи»²⁶. После чтения журнала предыдущего заседания голова докладывал дела, внесённые на решение думы городской управой или различными думскими комиссиями: «Только и слышалось: “Возражений нет, принято; принято”, – и рука быстро переключивала положенные бумаги из одной пачки в другую. Затем докладывались дела, вызывавшие обсуждение. “Кому угодно слово по этому вопросу? Слово принадлежит гласному такому-то”. Гласный поднимался говорить, а голова садился и внимательно слушал, ни на минуту не оставляя оратора и пристально следя за ним. Он не давал говорить лишнего, если гласный уклонялся в сторону, просил его дер-

¹⁵ Там же. С. 549, 563, 575–576.

¹⁶ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 187, 367.

¹⁷ Там же. С. 258.

¹⁸ Современники часто называли Н.А. Алексеева «лорд-мэром» или «мэром» в соответствии с западноевропейской традицией (*Мартыанов П.К.* Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века в силуэтах, кратких характеристиках, надписях и эпитафиях. Изд. 3. СПб., 1893. С. 7; Будильник. 1889. № 34. С. 5).

¹⁹ *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. Изд. 2. М., 2011. С. 353.

²⁰ *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 418.

²¹ *Дорошевич В.М.* Воспоминания. М., 2008. С. 212.

²² *Вишняков Н.П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых. В 3 ч. Ч. 3. М., 1911. С. 77.

²³ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 182.

²⁴ *Дорошевич В.М.* Указ. соч. С. 361.

²⁵ *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 418.

²⁶ Там же.

жаться ближе к делу, быстро и ясно резюмировал прения, точно ставил вопрос и пускал его на голосование: “Согласных прошу сидеть, несогласных – встать. Принято!”²⁷.

Несмотря на напряжённый стиль работы²⁸, Алексеев умел создать позитивную атмосферу в коллективе, в нужный момент приободрить коллег шуткой. Его юмор был «немножко грубоватый, но едкий и меткий»²⁹, будучи большим весельчаком и комиком, городской голова «во время заседаний в комиссиях... успевал рассказывать разные анекдоты с большим искусством талантливого рассказчика»³⁰. Николай Александрович занимался городскими делами с радостью и энтузиазмом, заражая таким же настроением своих сотрудников. Он привлекал к себе «своею живостью, весёlostью, жизнерадостным отношением к делу. Этим именно Алексеев и подкупил всех, с кем имел дело»³¹. То же было и в отношении его коллег из городских дум других городов Российской империи. «Лорд-мэр» регулярно выезжал с деловыми поездками в Санкт-Петербург и провинциальные центры, участвовал в заседаниях дум, выступал с докладами, делился опытом. Московские думцы обменивались своими печатными изданиями с коллегами из Петербурга, Одессы, Ростова-на-Дону, Харькова, Риги и Варшавы³².

Энергичный городской голова успешно справлялся со своими обязанностями, и «дело шло как по маслу»³³. Современники, восхищённые работой Алексеева, посвящали ему стихи: «Москвы – энергичный лорд-мэр, // Всем мэрам российским – пример, // Он русскому делу правдиво // С достоинством служит ревниво»³⁴.

28 апреля 1889 г. Алексеева переизбрали на руководящий пост в московском самоуправлении³⁵. Одновременно прошли и выборы в городскую думу, показавшие увеличение представительства привилегированных сословий и уменьшение числа гласных из ремесленников, мещан и крестьян. Особенно усилилось влияние купечества, получившего в думе 103 мандата. Возросла значимость дворянско-чиновничьей и интеллигентской группы – их представляли 49 человек. Напротив, гласные «третьей курии» получили лишь 28 мандатов. Так в думе укрепилось положение лиц, представлявших наиболее состоятельные и образованные группы населения³⁶.

Убедительная победа купечества на думских выборах 1889 г. вызвала большой общественный резонанс. Живо откликнулась на неё и московская печать. Примечателен сатирический комментарий в журнале «Будильник»: «Из всех дум, весёлых и горьких, теперешняя дума самая степенная, потому что сплошь почти состоит из “их степенств”. “Именитое купечество” задавило в думе своими тушами и “благородное дворянство”, и “трудолюбивых ремесленников”.

²⁷ Там же. С. 418–419.

²⁸ Стенографические отчёты о заседаниях Московской городской думы за ноябрь и декабрь 1891 г. М., 1892.

²⁹ Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 274.

³⁰ Варенцов Н.А. Указ. соч. С. 356.

³¹ Голицын В.М. Указ. соч. С. 153.

³² ЦГА Москвы, ф. 179, оп. 21, д. 871, л. 137; д. 1076, л. 89.

³³ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 259.

³⁴ Мартыанов П.К. Указ. соч. С. 7.

³⁵ ЦГА Москвы, ф. 179, оп. 1, д. 66, л. 11 об., 12 об.

³⁶ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 176–177.

Дума окончательно превратилась в купеческое собрание»³⁷. В издании была помещена карикатура: огромный купчина, ухмыляясь, ударом кулака придавил сублильных интеллигента и ремесленника. Рядом стихотворный комментарий «Ода купеческому кулаку»: «О кулак, хитрец немалый! Ты забрал под свой начал // Обороты, капиталы, и машины думской вал. // Полон к прибыли любовью, самодурных полон сил, // Как надёжно ты сословья остальные придавил!»³⁸.

Не случайно на протяжении всего «алексеевского» семилетия и особенно после думских выборов 1889 г. Николая Александровича воспринимали в качестве лидера думского купечества: «купцы гордились им, как своим братом, и поддерживали его массой»³⁹. Однако в энергичной деятельности городского головы были и присущие этому сословию негативные черты. Алексеев был властным, твёрдым, порой грубым руководителем, нередко игнорировавшим точку зрения коллег. Современники единодушны в характеристиках: «Воспитание не приучило его сдерживать необузданность в сущности несколько грубой натуры. Умом понимая благородные потребности и побуждения, умея подчас идти с ними в полном согласии, он нередко своими резкими приёмами оскорблял не только утончённые понятия изящного, но и простое чувство приличия. Этим он многих отталкивал от себя»⁴⁰; «Алексеев был самодур невероятный, не было в Таганке такого самодура, но он был умница»⁴¹; «в нём обнаруживалось нередко преобладание характера, воли, пожалуй, даже каприза... непомерное самолюбие, которое питало в нём веру в свою непогрешимость, во всеобъемлемость своих способностей, своего умения»⁴².

Молодой Алексеев «как по фамильной традиции, так и по властолюбивому темпераменту свыкся с призванием руководить людьми... в обращении с людьми он был резок и иногда даже дерзок»⁴³. Городской голова нередко бывал пристрастен, грубо осаживая оппонентов, отвергая неприятные ему предложения: «Иного гласного он внезапно обрывал замечанием и терроризировал так, что тот смущался и замолкал... помню раз довольно долго говорил какой-то гласный; говорил, запинаясь и плохо, укоряя в чём-то городскую управу, что вот она обещала что-то привести в порядок, а вот оказалось... “Не оказалось!” – раздался громкий окрик, и гласный, не обладавший очевидно опытом в парламентских дебатах, смутился и сел»⁴⁴.

Николай Александрович порой бывал высокомерен в отношении подчинённых. М.П. Ватсон, работавшая в начале 1890-х гг. в Московской думе, вспоминала о тяжёлой атмосфере, создавшейся при Алексееве, и унижительном положении рядовых сотрудников учреждений городского самоуправления. «Когда мы переходили во вновь выстроенное здание Думы, – писала она, – я от служащих услышала, что Николай Александрович Алексеев, устраивая новоселье, выразился так: “Надо же эту сволочь (служащих) напоить шампанским”».

³⁷ Будильник. 1889. № 18. С. 4.

³⁸ Там же.

³⁹ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 258.

⁴⁰ Там же. С. 182.

⁴¹ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 273.

⁴² Голицын В.М. Указ. соч. С. 154.

⁴³ Герье В.И. О Московской городской думе // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 427.

⁴⁴ Богословский М.М. Указ. соч. С. 419.

И служащие пошли на это новоселье»⁴⁵. И ещё пример проявления самовластия московского мэра: «Он свёл на нет в Москве городское самоуправление. То “городское самоуправление”, на которое косились в Петербурге. И когда в Московской городской думе “поднимались какие-нибудь такие разговоры”, он покрикивал, нарочно “рядским говором”: – Нельзя ли без революций?! И ежели “разговоры”, хоть и в сбавленном тоне, продолжались, он насмешливо добавлял: – И без конституций!»⁴⁶.

Алексеевское руководство думой было «не самоуправлением, а самовластием на общественной почве»: «Своею энергиею, деятельностью, умом, а частью и бесцеремонностью, он одних привлёк, а других обуздал... противники частью удалились из думы, частью замолкли»⁴⁷. Стоит отметить, что последнее относилось не ко всем оппонентам Алексева. Таковых можно разделить на три группы. Первая из них – «партия Найдёнова», «старое» купечество, что «недолюбливало» Николая Александровича с самого начала его думской карьеры⁴⁸. Принадлежит к тому же социальному слою, что и городской голова, купцы, тем не менее, расходились с ним по ряду принципиальных вопросов. Сторонник буржуазного прогресса, Алексеев нередко встречал противодействие предпринимателей-консерваторов по вопросам городских займов, попечительного курса в рабочем вопросе и др.

Во вторую группу входили представители чиновничества и интеллигенции: К.Ф. Одарченко, И.И. Шаховской, М.П. Щепкин⁴⁹, А.Н. Маклаков. Они осуждали преимущественно финансовую политику городской управы, авторитарные методы руководства Алексева. Щепкин, например, со страниц «Русских ведомостей» аргументированно критиковал как многомиллионные строительные проекты и самовластие городского головы, так и самих гласных – молчаливое большинство думцев, согласное на «самоупразднение» при энергичном бургомистре⁵⁰.

Третью группу оппонентов составляли мелкие собственники, партия 3-го разряда гласных. «Текинцы» стремились максимально экономно расходовать средства городского бюджета, выступая против займов и строительства городских учреждений. Особенно страстно с Алексеевым полемизировал Д.В. Жадаев⁵¹. Он педантично посещал все думские заседания и высказывался по всем вопросам (в 1887 г. по числу выступлений его превзошёл лишь Алексеев): «Чрезвычайно рьяно, хотя и не всегда к стати врвался в прения... хозяин ящичной мастерской Давид Жадаев, человек невысокого роста, в чуйке, говоривший

⁴⁵ Астров Н.И. Воспоминания. М., 2000. С. 32.

⁴⁶ Дорошевич В.М. Указ. соч. С. 214.

⁴⁷ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 258.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Щепкин Митрофан Павлович (1832–1908), видный городской и земский деятель, профессор политической экономии в Петровской земледельческой академии (1866–1871), сотрудник газеты «Русские ведомости», работал в Московской думе с 1862 г.: многолетний гласный (1870–1891), заведующий городским статистическим отделом; в 1891 г. вышел из состава гласных вследствие несогласия с методами действий Алексева (Митрофан Павлович Щепкин. М., 1910. С. 12, 19–20).

⁵⁰ Щепкин М.П. Самоупразднение (Из дневника гласного Московской думы) // Русские ведомости. 1891. № 45.

⁵¹ Противники прозвали его «Давидкой». Полукомическая фигура этого народного избранника запомнилась современникам. В.А. Гиляровский характеризовал его как «полуграмотного кустаря-ящичника, вихрастого, в неизменной поддёвке и смазных сапогах» (Гиляровский В.А. Москва и москвичи // Сочинения. В 4 т. Т. 4. М., 1989. С. 159).

очень бегло, но малограмотно... Он сидел на виду за главным столом, как раз напротив городского головы, и однажды, когда он напустился на очередной управский доклад, городской голова... показал ему над столом свой веский кулак»⁵².

Урон репутации московского бургомистра наносили и слухи о его разгульной жизни в свободное от службы время. Причём отдыхать Алексеев, славившийся «широкой разнузданностью русской натуры»⁵³, предпочитал в обществе исполнявшего должность московского обер-полицмейстера А.А. Власовского – и эта дружба «коробила Москву»⁵⁴. 17 октября 1892 г. хозяйка одного из петербургских салонов А.В. Богданович отметила в дневнике: «Сегодня был Назаревский. Говорили про московские порядки, что Власовский совсем под башмаком у Алексеева... вместе кутят у Омона, часто оттуда уезжают пьяные. Однажды коляска Алексеева уехала, стояла одна коляска Власовского. С большим трудом кое-как они туда поместились (Алексеев страшно толст), оба пьяные, посадили себе на колени по француженке и так и уехали. Полиция тут стояла, всё видела и отдавала честь Власовскому. До такого безобразия, кажется, ни один полицмейстер не доходил»⁵⁵.

Разговоров о подобных похождениях было немало: «Говорили, что у Алексеева и Власовского, очень подружившихся, были какие-то дела и кутежи с женщинами, что их поведение вызвало неудовольствие в Петербурге, и что Александр III на докладе положил резолюцию: “Унять жеребцов”. Нельзя сказать, насколько это было действительность и насколько пустые разговоры»⁵⁶. Москвичи знали и о юной любовнице городского головы: «Протасов передавал мне, что однажды в компании... он заметил какого-то нового гостя, молодого человека; на вопрос, обращённый им к хозяину о том, кто это, хозяин с важностью ответил: “О, это восходящая звезда московской архитектуры – он строит дом и отделяет квартиру для будущей метрессы городского головы Алексеева”... Эта будущая помпадурша в то время только ещё кончала курс в 1-й московской женской гимназии»⁵⁷.

Безапелляционность городского головы, его стремление к единоличному руководству очень раздражали московскую общественность. Эти черты высмеивали журналисты: среди шуточных пожеланий в новом, 1893-м, году фельетонисты «Будильника» пожелали Алексею «позабыть местоимение “я”»⁵⁸. В последние месяцы руководства думой он потерял поддержку как среди гласных, так и в правительственных кругах. 31 января кн. В.М. Голицын, занимавший должность московского губернатора в 1888–1891 гг., записал в дневнике: «По известию из Петербурга, там сильное неудовольствие на порядки... в Москве и вражду теперешних деятелей. Дни одного из них, по-видимому, сочтены. Это Алексеев, против которого ополчилось всё купечество». На следующий день, после заседания думы, автор дневника отметил: «Городские выборы по первому участку оказались недостаточно полными, так что будут дополнитель-

⁵² Герье В.И. Указ. соч. С. 423.

⁵³ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 182.

⁵⁴ Дорошевич В.М. Указ. соч. С. 214.

⁵⁵ Богданович А.В. Три последних самодержца: дневник. М., 1990. С. 177–178.

⁵⁶ Богословский М.М. Указ. соч. С. 425.

⁵⁷ Розанов Н.П. Воспоминания старого москвича. М., 2004. С. 289.

⁵⁸ Будильник. 1893. № 1. С. 4.

ные. Алексеев хотя и прошёл, но довольно плохо, а многие его противники прошли, и это не без значения»⁵⁹.

Окрепшая группа оппонентов стремилась не допустить переизбрания Алексеева на пост городского головы: «Против него была сбита большая оппозиционная партия, сильная не настолько... чтобы своротить вовсе... алексеевское влияние, но всё-таки способная отравить торжество “непогрешимого” головы своим многоголосым протестом, компрометировать оценку его общественной деятельности обилием чёрных шаров. Москва ждала с глубоким и живым интересом большой междоусобной войны на баллотировочных шарах»⁶⁰. Но Николаю Александровичу не суждено было занять этот руководящий пост в четвёртый раз.

9 марта 1893 г., в день выборов городского головы, во время приёма посетителей в думе мещанин В.С. Андрианов тяжело ранил Алексеева выстрелом в живот. Более суток врачи боролись за его жизнь (Н.В. Склифосовский провёл сложную операцию с использованием хлороформа)⁶¹. Больной переносил страдания с удивительной стойкостью, находил в себе силы шутить, одному из зрителей московского водопровода даже заметил: «У вас трубы с трещинами, а теперь и голова с трещиной»⁶². К сожалению, хирургическое вмешательство не помогло, у Николая Александровича началось воспаление брюшины, и 11 марта он скончался⁶³.

Известия о ранении и смерти Алексеева всколыхнули российскую общественность, особенно деятелей городского самоуправления. 10 и 11 марта в адрес пострадавшего поступали телеграммы с выражением сочувствия и пожеланиями выздоровления от городских голов и гласных Нижнего Новгорода, Самары, Киева и Одессы⁶⁴. А 11–15 марта уже шли соболезнования в адрес супруги и родственников покойного, а также городской думы и управы⁶⁵. Так, градоначальник Самары информировал московских коллег об экстренном заседании самарской думы, назначенном на 13 марта по случаю трагедии в Москве. Выражая «искреннее соболезнование... о потере столь доблестного общественного деятеля», отметив, что «выдающиеся качества души Николая Александровича и его замечательная энергия отражались и за пределами Первопрестольной и известны были почти всей России», мэр Самары утверждал, что в лице Алексеева Россия лишилась лучшего гражданина⁶⁶.

11 марта Московская дума собралась на экстренное заседание, посвящённое памяти Алексеева. Присутствующие постановили организовать его похороны за счёт средств городского общественного управления. На благотворительные мероприятия с целью увековечения памяти городского головы было ассигновано 200 тыс. руб.⁶⁷

13 августа 1893 г. Московский окружной суд признал Андрианова виновным в убийстве московского городского головы, совершённом в состоянии

⁵⁹ Агеева З.М., Добрынина Н.А. Николай Александрович Алексеев. М., 2012. С. 186.

⁶⁰ Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 234.

⁶¹ Злодейское покушение на жизнь московского городского головы Н.А. Алексеева. М., 1893. С. 11.

⁶² Суворин А.С. Дневник А.С. Суворина. М., 1999. С. 110.

⁶³ Московские ведомости. 1893. 12 марта.

⁶⁴ ЦГА Москвы, ф. 179, оп. 21, д. 1305, л. 1–4 об.

⁶⁵ Там же, л. 56–67 об.

⁶⁶ Там же, л. 148, 148 об.

⁶⁷ Известия Московской городской думы. 1893. Март. Вып. 1. Отд. 1. С. 51.

сумасшествия⁶⁸. Согласно показаниям, Андрианов ничего не имел против московского головы, а лишь исполнил то, что хотел. В кармане убийцы нашли записку: «Прости, но жребий пал на тебя!». Некоторые современники полагали, что Андрианов был подослан противниками Алексеева⁶⁹. Косвенное подтверждение этой гипотезы – относящееся к началу XX в. утверждение гр. С.Д. Шереметева о «донныне не выясненном» деле Алексеева: «подробности его знал Д.С. Сипягин, но по желанию императора Александра III его замолчали приличия ради»⁷⁰. Однако большинство современников событий считало, что гибель городского головы – не политическое убийство, а дело рук сумасшедшего маньяка, роковая случайность⁷¹.

Каковы были причины установления «алексеевского режима», при котором городской голова использовал свои полномочия столь самовластно, беспрецедентно ущемляя права Московской городской думы? Во-первых, огромное значение имели личные качества «лорда-мэра»: властный, энергичный, настойчивый, с сильным характером и яркой харизмой, он сумел привлечь на свою сторону большинство городских гласных. Делегируя свои полномочия «единовластному» лидеру, они тем самым «оплачивали» успешное развитие городского хозяйства. Во-вторых, ущемляя порой права части гласных, игнорируя альтернативные взгляды, безапелляционно навязывая своё видение проблем и методов их решения, городской голова опирался на подавляющую часть думского купечества. Поэтому «дума безмолствовала, а голова делал, что хотел»⁷². И всё же это не была грубая тирания. Московский бургомистр много и плодотворно трудился на благо родного города – результаты его деятельности красноречиво свидетельствуют: именно такой лидер был нужен Москве и городской думе, мог заставить её работать на благо городского общества⁷³. Он был открыт к диалогу, давал возможность оппонентам высказывать конструктивные предложения и всегда оставался «другом гласности»⁷⁴. Алексеев был «умён и способен войти в круг идей, которые ему были чужды»⁷⁵, «уважал общественное мнение и презирал общественную болтовню. Он ненавидел партийность и беспощадно давил оппозицию своим начинаниям, но охотно давал свободу здравому, толковому слову, когда оно преследовало не празднотвлечённые споры о сухих туманах, а цели... практические и насущные»⁷⁶. Алексеев воплотил в себе характерные противоречия яркого общественного деятеля пореформенной эпохи, а его «трагическая... смерть... загладила все его тёмные стороны. Как блестящий метеор, он пронёсся над Москвою, которая его не забудет»⁷⁷.

⁶⁸ ЦГА Москвы, ф. 179, оп. 21, д. 1305, л. 251.

⁶⁹ Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 236.

⁷⁰ Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 338.

⁷¹ Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 236–237; Астров Н.И. Указ. соч. С. 63; Богословский М.М. Указ. соч. С. 424–425; Четвериков С.И. Чудачества Николая Александровича Алексеева, московского городского головы в 1885–1893 гг. // Невозвратное прошлое. М., 2001. С. 67–68.

⁷² Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 259.

⁷³ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 173.

⁷⁴ Новое время. 1893. 13 марта.

⁷⁵ Герье В.И. Указ. соч. С. 427.

⁷⁶ Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 240.

⁷⁷ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 183.